

▲ Игорь Малах

Знакомый из прошлого тысячелетия

Интервью с Игорем Малахом

– Игорь, Вы наш многолетний автор. Помните свою первую публикацию в «НВЖ»?

– Первая публикация – это как первая любовь. Как ее можно забыть! Она состоялась в прошлом столетии, даже в прошлом тысячелетии.

– Вы меня пугаете. Сколько же Вам лет?

– Меньше, чем дедушке Ноя, пророку Мафусаилу, тот прожил 969 лет, но мне тоже немало – 84 года. Моя первая публикация в «Новом Венском журнале» состоялась весной 1996 года. Это были стихи «Венская весна». Вот отрывок:

*Весенний дождик! Радостный пролог
За нас, для нас природа написала.*

*И вот взошла, пробилась грядка строк
Для Нового, для Венского журнала.*

Там, кстати, есть строчки, посвященные Вам лично. Я процитирую по памяти:

*Кареты у Санкт-Стефана уже
Раскрылись, как фиалки, ради
солнца.*

*И шеф-редактор для тепла в душе
В офисе своем открыл оконце.*

– Приятно слышать после стольких лет. 1996-й – это год рождения нашего журнала. Как давно это было! А последняя Ваша публикация состоялась в прошлом году.

КАК-ТО Я ПРОВОДИЛА МОЛОДЕЖНУЮ КОНФЕРЕНЦИЮ, ГДЕ РЕБЯТА РАССКАЗЫВАЛИ О СВОИХ ТВОРЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЯХ. В КОНЦЕ Я ПОЗНАКОМИЛА ИХ С ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ ПИСАТЕЛЕМ И КОМПОЗИТОРОМ ИГОРЕМ МАЛАХОМ, КОТОРЫЙ ГОДИЛСЯ ИМ В ДЕДУШКИ. ПОД БРАВУРНУЮ МУЗЫКУ ЕГО МАРША МЫ В САМОМ ПРИПОДНЯТОМ НАСТРОЕНИИ ЗАКОНЧИЛИ НАШЕ ЗАСЕДАНИЕ. А СЕЙЧАС Я РЕШИЛА ПРЕДСТАВИТЬ ЕГО И ЧИТАТЕЛЯМ НАШЕГО ЖУРНАЛА.

Повесть о князе Андрее Разумовском печаталась в четырех журнальных номерах и понравилась читателям. Я видела и Ваши немецкие публикации с подписью Исаак Малах. У вас два имени?

– Именно так. Я отзываюсь на оба. При рождении мне дали имя Исаак. А Игорем меня назвала моя первая учительница во втором классе (в первом мне учиться не довелось). Это было в войну в эвакуации. Я с матерью жил тогда в Узбекистане, на границе пустыни и предгорий Тянь-Шаня. Учительница сказала мне, семилетнему: «Такой хороший мальчик... и Исаак. Ты будешь у нас Игорьком». После войны, когда я жил во Львове, это в какой-то мере, пусть небольшой, защищало ранимую душу ребенка при общении с антисемитами, а их на Украине было

много. И что говорить обо мне, простом человеке. Это относилось и к выдающимся личностям. К примеру, Ледя Вайсбейн становился Леонидом Утёсовым, а актриса по фамилии Фельдман – Фаиной Раневской.

– Как же Вам удалось пропустить первый класс школы?

– Мать привела меня, семилетнего, в школу на собеседование. Директор попросил меня нарисовать косую палочку. В то время слово «косой» ассоциировалось у меня с дразнилкой, которую я слышал во дворе: «Косой заяц нанес яиц, развел детей, косых чертей». Заяц, глаз, черт – они могли быть косыми, но как палочка могла быть косой? Это задание поставило меня в тупик. Директор хотел, чтобы я нарисовал две косые палочки и получила буква Л. Тут вмешалась моя мама: «Какие еще палочки? Мой сын

читает книги и газеты. И писать умеет, правда, печатными буквами. Он зарабатывает на пропитание, подписывая адреса на конвертах писем на фронт». Это была правда. Читал я с шести лет. Писал печатными буквами, поскольку других не знал. И надписывал фронтовые адреса на треугольных конвертах четкими печатными буквами. За это узбеки приносили мне виноград, дыни, орехи, изюм, лепешки, а иногда и вареную голову барашка (какая вкуснятина!). На это директор ответил: «Тогда ему в первом классе делать нечего». И принял меня сразу во второй класс.

– **Когда Вы почувствовали тягу к сочинительству?**

– Где-то в седьмом классе учительница немецкого задала нам на дом перевод стихотворения Гейне «Лорелея». Я спросил: «Можно я переведу его в стихотворной форме?» Учительница удивилась: «Генрих Гейне – великий немецкий поэт. Иностранцев поэтов переводят поэты-профессионалы. А ты – школьник». Тогда я спросил: «А попробовать можно?» Учительница ответила: «Попробуй. Посмеемся».

Когда я прочел ей свой стихотворный перевод, она удивленно спросила: «Сам сочинил?» «Сам», – ответил я. А на уроке она сказала: «Дети, Игорь будет поэтом». В школе я сочинял патриотические стихи, они печатались в школьных стенгазетах. Некоторые строфы, как ни странно, помню до сих пор.

*Рабочий делает машины,
Растит колхозник урожай,
На Волге крутятся турбины,
В Крыму выращивают чай.
А ты что делаешь для жизни?
Белеют буквы на доске.
Я исполняю долг Отчизне
За партией с книгой в руке.*

Павлов писал, что люди по интеллекту делятся на две группы – на инженеров и художников в широком смысле этих слов. Первые – это люди со способностями и любовью

▲ Игорь (Исаак) Малах, 1939 г.

к точным наукам: математике, физике, химии, технике. Вторые – люди искусства, литературы, театра, живописцы, гуманитарии, историки, музыканты. Конечно, чистых художников и инженеров не бывает, здесь имеется в виду предрасположенность человека.

– **И к какой группе Вы относите себя?**

– По этой классификации я был художником. Но детское самолюбие и желание быть в учебе первым заставляли меня усердно осваивать и математику, и физику, и химию. По математике у меня был выдающийся педагог Давид Яковлевич Гоноровский, о котором говорили, что он и зайцу может привить любовь к этому предмету.

Еще с ранних школьных лет я полюбил географию – это от отца. И мать, и отец были заядлыми книголюбцами, но отец, кроме художественных книг, приносил домой из библиотеки географическую литературу, а именно записки известных путешественников. И я помню, как зачитывался отчетами о путешествиях Пржевальского, Потанина, Певцова, Грумм-Гржимайло, Семенова-Тян-Шанского, Обручева, Арсеньева. Я буквально ползал по прилагаемым географическим картам и представлял, как я с этими первопроходцами преодолеваю горные реки, взбираюсь на вершины, изнываю от жажды в бесконечных

пустынях и, чтобы прокормиться, охочусь на диких животных. Я был бесконечно счастлив, открывая эти новенькие книги (их, кроме нас с отцом, вероятно, никто не читал). И я знал наизусть столицы государств мира (и до сих пор помню, несмотря на ослабевшую с возрастом память). Учительница географии на уроках с опаской смотрела на меня, поскольку я позволял себе уточнять ее рассказы.

Недавно здесь, в Австрии, я сидел за столом в кафе санатория, и одна дама с апломбом рассказывала присутствовавшим о том, что она любит и знает географию и всегда была лучшей ученицей по этому предмету. Я спросил, была ли она в Испании. «Много раз», – ответила она. Тогда я осторожно поинтересовался, не может ли она назвать одну или несколько крупных испанских рек. Наступила тишина. Вдруг дама взорвалась: «А Вы можете назвать? Может, Вы там в этих реках плавали?» «Я не был в Испании, но назвать могу», – сказал я. – Эбро, Дуэро, Тахо, Гвадиана, Гвадалquivир». За столом наступила такая оглушительная тишина, что я пожалел, что вмешался в этот разговор. Это о странностях человеческой памяти, когда не помнишь, что было вчера, но отчетливо помнишь, что было 70 лет тому назад.

– **Понятно, что путешественником-первопроходцем Вы не стали. Тем более, что все географические открытия произошли до нас с Вами.**

– С годами любовь к географии сублимировалась в страсть к путешествиям. В этом смысле мне везло. Я прошагал с рюкзаком, объездил, проплавал, облетел если не полмира, то четверть точно. И всегда с фотоаппаратом. После возвращения из поездок я, как лектор общества знаний, выступал с рассказами и демонстрацией слайдов.

– Да, жизнь у Вас была нескучная. Но мы перепрыгнули во времени. Сначала расскажите, как Вы жили после школы?

– Школу я стремился окончить с медалью, что дало бы мне право поступать в вуз без вступительных испытаний. После выпускных экзаменов директор вызвал меня в кабинет и сказал, что, несмотря на отличные оценки, областной отдел народного образования в медали мне отказал. Помню, как я сидел и слезы капали на стол. Понятно, что причина крылась в пятой графе паспорта. Это было время сталинских антисемитских кампаний: кампания против вейсманистов-морганистов, против безродных космополитов, дело врачей-отравителей, расстрел членов Еврейского комитета. Только смерть помешала вождю народов сослать евреев на Дальний Восток. Подобную политику продолжил и Хрущев. В престижные вузы евреев не принимали или там была мизерная квота. В технические вузы квота была больше. Вот туда я и поступил, а по окончании стал работать конструктором. Голова была забита формулами, расчетами, техническими проектами. И все же любовь к литературе, искусству, музыке всегда незримо присутствовала в моей жизни и периодически выражалась в творчестве.

– Когда Вы стали печататься?

– На втором курсе института я написал стихотворение «В осеннем парке», которое было отмечено на

▲ Игорь Малах на высоте 5000 м

студенческом конкурсе и опубликовано в институтской малотиражке, а затем и в областной газете. В нем я решился на новаторство в области стихотворной формы. В каждой семистроичной строфе между собой рифмовались первая, четвертая и седьмая строки, а также вторая, третья, пятая и шестая строки. Убедитесь в этом сами:

*Как стало тихо в старом парке
Осенней поздней порой.*

*На юг умчался птичий рой,
Над головой увяла арка,*

Живой сплетенная листвою.

И вместе с шумной детворой

Исчез наряд зеленый, яркий.

Печальной красотой своей

Пленяют тихие аллеи.

Одна лишь хвоя зеленеет.

Из-под опущенных ветвей

Малютка ель – лесная фея –

Окинуть взглядом не посмеет

Фигуры голых тополей.

Березы, милые березы,

Вы кажетесь еще белей

На фоне сумрачных аллей.

И капли чистые, как слезы,

Текут изгибами ветвей,

И ожиданьем вешних дней

Кружат, витают ваши грезы.

Признаюсь, такого типа рифмовки я нигде в поэзии не встречал. Конечно, красота стихотворения не в рифмах, а во впечатлении, которое оно производит на читателя.

Я уже говорил о страсти к странствиям. Если очертить границы моих путешествий в разное время,

то на севере это будут Карелия и Финляндия; на западе – Северная Америка; на востоке – Дальний Восток, Тихий океан, Япония; на юге – тропики, экватор. И по результатам странствий были написаны очерки, рассказы, стихи.

– А в центральной печати Вы тогда не публиковались?

– Это было сложно, да и Москва – далеко. Правда, после поездки в Чехословакию я послал обойму стихотворений в журнал «Знамя», и редактор Галина Корнилова написала их в печать. Шел 1968 год – Пражская весна, ввод войск Варшавского договора в Чехословакию, – и с моим еврейским счастьем эта поэтическая обойма накрылась медным тазом.

Тогда в Праге могла произойти революция в моей личной жизни, но не произошла. Там, в книжном магазине, я познакомился с чешкой Марцелой Дорговой. Потом мы стали переписываться и договорились, что я приеду к ней в Прагу. Во время упомянутых событий переписка была запрещена, связь оборвалась. Спустя сорок лет после этой встречи родились строки:

Прага. Сентябрь. Я в книжной лавке.

Рядом девичий лик.

Рядом девушка с томиком Кафки.

Девушка среди книг.

Сорок лет с тех пор пробежали.

Снова образ возник.

Девушка в Праге на книжном развале.

Девушка среди книг.

И это стихотворение, и другие стихи из чешской обоймы были опубликованы в Австрии в моем поэтическом сборнике «Путешествие с музой во времени и пространстве».

В начале двухтысячных годов в Москве в альманахе «Поэзия» была напечатана подборка моих стихов «Крымские акварели», а в московском журнале опубликован очерк «Симон Визенталь – охотник за нацистами».

Окончание в след. номере.

Беседовала Ирина Мучкина